

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ХАНУКА

12 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Двенадцать вопросов из уроков рава Рафаэля Бенизри о Хануке: почему четыре изгнания записаны во втором стихе Торы, почему война Маккавеев была прежде всего войной внутренней и почему единственное, что пережило Храм, — маленький огонёк на пороге наших домов.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Хануки

- 01** Волчок крутится, но запустили его не мы
-
- 02** Греки не разрушили Храм
-
- 03** День перевода Библии стал днём траура
-
- 04** Свет в окне: через восемь дней — брит-мила
-
- 05** Чудо длилось семь дней — почему мы празднуем восемь?
-
- 06** Кувшинчика с маслом нет в наших молитвах
-
- 07** Единственный глава колена, который ничего не принёс
-
- 08** «Это вам должно быть стыдно»
-
- 09** Нет дома — нет света
-
- 10** Почему «нер Ханука», а не «нер шель Ханука»
-
- 11** Четыре способа давать, и лишь один устойчив
-
- 12** Свет, которого мир не вынес
-

Волчок крутится, но запустили его не мы

ВВЕДЕНИЕ

Мы запускаем волчок, он мечется во все стороны и падает, где ему вздумается. Символ кажется детской игрой. Однако наши мудрецы прочли четыре изгнания еврейского народа во втором стихе Торы, ещё до того, как был сотворён свет.

ВОПРОС

Почему четыре изгнания записаны в стихе, предшествующем появлению света, — и что тогда остаётся на нашу долю в истории?

ОТВЕТ

Берешит: «Ве-а-арец айта тоху ва-воху, ве-хоших аль пней теом». Тоху — это Вавилон; воху — Персия; хоших, тьма, — Греция; теом, бездна, — Рим.

История еврейского народа вращается, как этот волчок, и всегда сталкивается с одними и теми же проблемами: наверху есть тот, кто его запустил, а мы лишь следуем движению четырёх изгнаний, предначертанных независимо от нашей воли и записанных в самих истоках творения. Судьбу еврейского народа, проходящую через его изгнания, нужно искать в том, что предшествовало творению, — прежде, чем проявился свет.

Вавилон хотел нас растворить, лишив национального бытия: мы выжили и именно там развили Устную Тору. Персия посягнула на наши чувства, а затем постановила физическое истребление — это была наша первая Шоа, отведённая Мордехаем и Эстер. Греция же хочет поразить нас духовно, подменив наши ценности универсальными, чтобы растворить нас как один народ среди народов. А Рим, Эдом, — это сумма всех остальных.

Но если эти изгнания записаны до света, значит, они — потенциальные откровения: именно из этой тьмы вспыхивает изначальный свет, тот, что мы продолжаем в Хануку, начиная с совсем маленького огонька, который всё растёт и которому предназначено осветить весь мир.

ВЫВОД РАВА

Тьма — не отсутствие света: это место, из которого свет призван выйти.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Легко сказать, что всё предначертано, и умыть руки. И всё же волчок крутится, а зажигать — нам. Что в нашей жизни мы терпим как рок — и что на самом деле ждёт лишь нашего решения?

Греки не разрушили Храм

ВВЕДЕНИЕ

Вавилон сжёг Святилище, Рим сровнял его с землёй. Греки же оставили его стоять. Они требовали лишь одного: присоединить к нему другие верования. И именно против этого предложения вспыхнуло восстание Маккавеев.

ВОПРОС

Если греки оставили Храм стоять, а служение — на месте, против кого на самом деле воевали Маккавеи?

ОТВЕТ

Война, которую вёл еврейский народ, велась в большей мере против митьявним, то есть против тенденции внутри самого народа быть как все народы и поддаться обаянию греческого искусства, греческой науки, греческой мысли — именно тогда, когда умолк голос пророчества. Это война внутри еврейского народа. Греки не разрушили Святилище, как это сделали вавилоняне и как сделает Эдом: они сохранили Храм — при условии, что в нём можно будет соединить и другие верования.

Требовали они отказа от исключительности еврейской веры и прежде всего — от национального измерения. Народу предлагали сохранить свои традиции при условии, что он откажется от всякого стремления к национальному бытию, — и Йегуда Маккавей и слышать об этом не хотел. Ведь национальное бытие — важнейшая мицва: Тора может исполняться в полной мере лишь в Эрец Исраэль, а мыслить её вне Эрец Исраэль — значит отсечь половину её достоинств.

И сегодня митьявним среди нас говорят о государстве, таком же, как все прочие, открытом всем культурам. А почему бы и нет? Вот именно здесь и находится Яван.

ВЫВОД РАВА

От нас никогда не требовали перестать верить: от нас требуют лишь верить, как все.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Греческое предложение было мягким: храните свои традиции, откажитесь лишь от того, что вас отличает. От чего каждый из нас уже согласился отступить, чтобы не выделяться — за столом, на работе, среди друзей? И от чего мы всё ещё отказались бы отступить?

День перевода Библии стал днём траура

ВВЕДЕНИЕ

Птолемей запирает по отдельности семьдесят двух мудрецов Израиля и велит им перевести Библию на греческий. Переводы совпадают. Евреи Александрии радуются; жители Иерусалима объявляют этот день днём траура.

ВОПРОС

Одно и то же событие — радость с одной стороны, траур с другой: что увидели мудрецы Иерусалима, чего не увидели александрийцы?

ОТВЕТ

«Яфт Элоким ле-Йефет, ве-ишкон бе-оалей Шем» — да пребудет красота Йефета в шатрах Шема.

Евреи Александрии радовались возможности донести это учение до всего человечества; жители Иерусалима сочли, что перевести — значит сузить охват библейского слова, переложив его на другой язык. И всё же наши мудрецы одобрили это начинание, сказав, что красота Йефета должна пребывать в шатрах Шема: греческая мысль, греческое искусство, технология могут найти место в шатре — при условии, что нет желания подменить мысль Торы своей собственной.

Семьдесят два мудреца, не советуясь друг с другом, воспроизвели в точности один и тот же текст — за исключением тринадцати отличий. И эти тринадцать отличий — тринадцать брешей, пробитых в стене вокруг Святого Храма, той, что закрывала доступ тому, кто не обладал нужными качествами. Тринадцать контрольных постов соответствовали тринадцати свойствам, которыми Б-г управляет Своим миром, тем самым, что были провозглашены после греха золотого тельца.

Победив, Хашмонаим не стали возводить других стен: они просто заделали брешу. Ведь сосуществование двух культур не исключено — при условии, что каждая признаёт свои границы.

ВЫВОД РАВА

Перевести — не значит предать; это значит пробить брешу, и нужно знать, до какой черты впускать.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В наших домах много красоты, пришедшей извне, и она имеет право там быть. Но в чьём шатре? Пусть каждый назовёт то, что он впустил к себе, так и не установив этому границ, — и спросим себя: это всё ещё гость или уже хозяин?

Свет в окне: через восемь дней — брит-мила

ВВЕДЕНИЕ

Греки запретили обрезание. В подполье нужно известить общину, что родился мальчик и что мила состоится через восемь дней. И вот в первый день ставят в окно один огонёк, во второй — два, и так далее.

ВОПРОС

Наши мудрецы благословляют зажигание словами «Который повелел нам», — но если счёт придумали прохожие на оккупированной улице, кто кому повелел?

ОТВЕТ

Как в условиях сопротивления дать знать другим, что в этом доме родился мальчик, обрезание которого должно состояться через восемь дней? В первый день ставили в окно один огонёк, во второй — второй, в третий — третий. Так прохожие знали, что в этом доме будет мила, ведь огней становилось всё больше, вплоть до восьмого дня.

Это чудо восьми дней установили не раввины — его установил народ. И наши мудрецы приняли эту народную традицию, это народное сопротивление, через зажигание восьми дней Хануки. Вот почему восемь дней связаны не только с кувшинчиком масла, но и с брит-милой, и со всем, что этот союз утверждает.

Кстати, восстание подняла женщина, и именно поэтому женщина, хотя эта мицва и связана со временем, обязана зажигать: она была частью этого чуда.

ВЫВОД РАВА

То, что повелели мудрецы, — это прежде всего то, что народ во тьме уже придумал сам.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Народ без всякой подсказки нашёл знак, чтобы не молчать. Есть ли у нас привычка, обычай, рождённый не правилом, а чьей-то верностью — бабушки, соседа? Кто за этим столом ещё хранит его и кто подхватит?

Чудо длилось семь дней — почему мы празднуем восемь?

ВВЕДЕНИЕ

Масла в кувшинчике хватало на один день. Оно горело восемь. Счёт прост, и вопрос известен всем: собственно чудо касается лишь семи дней, ведь в первый день масла было достаточно.

ВОПРОС

Раз в первом дне нет ничего чудесного, почему бы не зажигать семь огней — и что говорит этот восьмой день, чего не говорят семь других?

ОТВЕТ

Это хорошо известный вопрос: следовало бы говорить, что чудо длилось не восемь дней, а семь. Но здесь естественное смыкается со сверхъестественным. Мы считаем, что даже естественное — это нес нистар, скрытое чудо, послание которого нужно уметь расшифровать. Всё, что кажется нам делом чистого разума, всё же содержит элемент, ускользающий от нашего понимания и тоже относящийся к чуду.

Лишь бней бина, те, кто понимает и умеет распознать суть, отождествляют естественное со сверхъестественным. И именно потому, что они достигли этого уровня — видеть руку Б-га, проступающую сквозь события, — они установили песни и хвалы.

Каждая победа, которую мы одерживаем своими силами, каждое событие, сколь бы естественным оно ни было, — повод воздать благодарность: за ним всегда проступает рука. Даже благословение, произносимое при выходе из уборной, связывает самое естественное отправление тела с чудом — этим всё сказано.

ВЫВОД РАВА

Восьмой день не добавляется к чуду: он учит читать семь остальных.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы называем чудом то, что от нас ускользает, а «нормальным» — всё остальное. Пусть каждый назовёт то в своей жизни, что считает совершенно нормальным: здоровье ребёнка, работу, чьё-то присутствие за этим столом. Надолго ли нужно это потерять, чтобы увидеть в этом чудо?

Кувшинчика с маслом нет в наших молитвах

ВВЕДЕНИЕ

Все рассказывают о чуде маленького кувшинчика. Однако два текста, которые мы произносим при свечах, — А-нерот а-лалу и Аль а-нисим — нигде его не упоминают. Они говорят совсем о другом.

ВОПРОС

Почему чудо, о котором все рассказывают, отсутствует в текстах, которые все читают, — и о чём вместо этого говорят наши молитвы?

ОТВЕТ

Аль а-нисим: *«Рабим бе-яд меатим, тмеим бе-яд теорим, зедим бе-яд оскей Торатеха»; и «Гиборим бе-яд халашим».*

Когда мы зажигаем свечи, заповедь Хануки — это собственно хвала, и именно о ней мы говорим. Ни А-нерот а-лалу, ни Аль а-нисим не упоминают чуда кувшинчика с маслом: кувшинчик лишь потом привился к первому чуду — к тому, что многие были преданы в руки немногих, нечистые — в руки чистых, нечестивцы — в руки занимающихся Торой.

Но здесь есть кажущийся повтор: достаточно было сказать, что сильные преданы в руки слабых. Мудрецы хотели выразить другое: эти немногие, твёрдо державшиеся самой сути закона, считали себя единственными носителями наследия отцов и ни за что не желали от него отказаться. А то, что нечестивцы преданы в руки соблюдающих, вовсе не переворот соотношения сил — это подчиняется логике.

Рвение Хашмонаим в поисках кувшинчика масла даже не упомянуто. Да и в любом случае при нечистоте разрешалось зажигать менору: это можно было сделать любым оливковым маслом.

ВЫВОД РАВА

Чудо, о котором мы любим рассказывать, — не всегда то, за которое благодарим.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы охотно пересказываем удобные нам истории и умалчиваем о том, что нас по-настоящему спасло. Какой рассказ в нашей семье повторяют на каждый праздник — и о какой, более трудной и правдивой, части мы перестали говорить?

Единственный глава колена, который ничего не принёс

ВВЕДЕНИЕ

При освящении Святого Храма каждый глава колена приносит своё приношение, по одному в день, — двенадцать дней торжеств. Лишь один не был назначен: Аарон, от колена Леви. Он был этим задет.

ВОПРОС

Что получает Аарон взамен приношения, которого от него не потребовали, — и почему это возмещение ценнее того, чего он был лишён?

ОТВЕТ

25 Кислева — день, когда был освящён Первый Храм; зажигание меноры, вверенное Аарону а-Козну и его сыновьям.

Аарон был задет, и Б-г сказал ему: знай: Храму суждено быть разрушенным. То, что приносят другие, однажды придёт к концу. А тебе Я дам зажигание меноры. И это зажигание продлится и после Храма, сквозь ночи изгнания, — потому что именно через распространение света осуществляется истинное предназначение Израиля среди народов.

То, что сохраняется в каждом еврейском доме, — не Святыня и не служение в Святыне: это свет меноры. Именно он переносит святость Израиля, через его огни, во все еврейские дома.

И свет Хануки приходится на 25 Кислева — как раз на тот день, когда был освящён Первый Храм.

ВЫВОД РАВА

То, чего его лишили, было обречено пасть; то, что ему дали, и сегодня вечером горит на наших столах.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Аарон думал, что о нём забыли, а ему давали единственное, что должно было устоять. Кто за этим столом почувствовал себя отодвинутым в этом году — в семье, на работе? И если то, в чём ему отказали, не главное, что следовало бы доверить ему взамен?

«Это вам должно быть стыдно»**ВВЕДЕНИЕ**

Три года и восемь месяцев действует указ: каждая новобрачная должна явиться к наместнику, прежде чем войти к мужу. Выходит замуж дочь первосвященника Йоханана. В конце свадьбы она должна туда идти.

ВОПРОС

Она разрывает платье и предстаёт обнажённой перед возмущёнными гостями. Почему стыд она обращает к ним, а не к себе?

ОТВЕТ

Еврейский народ хотели лишить права первородства: каждая новобрачная сначала должна была быть отдана наместнику города и отдать ему свою девственность, прежде чем вернуться к мужу. Это было посягательство на потомство еврейского народа и на чистоту женщины.

Выходила замуж дочь Йоханана Коэн Гадоля, шёл праздник, и в конце праздника она должна была отправиться к наместнику. Тогда она разорвала на себе все одежды, своё свадебное платье, и предстала обнажённой перед толпой. Её братья и сёстры, её семья, все присутствующие были возмущены. Она сказала им: слушайте, это вам должно быть стыдно, ведь вы позволяете этому происходить. Что это значит? Я, дочь первосвященника, должна сейчас идти к наместнику — я не пойду.

На этом вспыхнуло восстание, наместника убили. И именно поэтому женщина, хотя это мицва, связанная со временем, обязана зажигать свечи: она была частью этого чуда.

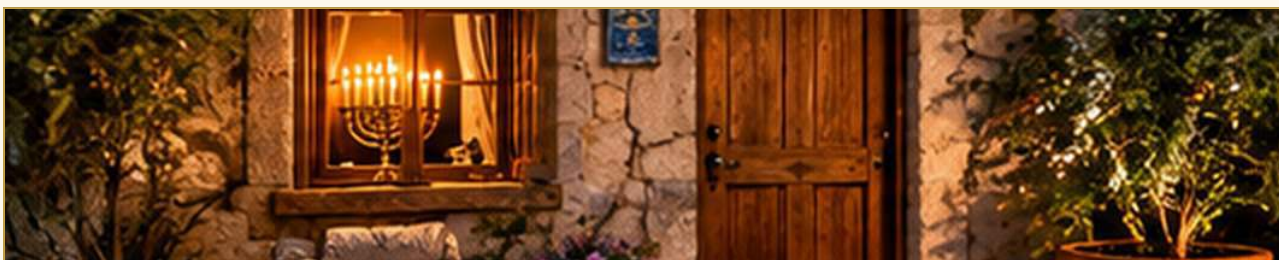
ВЫВОД РАВА

Позором было не то, что она показала, а то, чего все соглашались не видеть.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Молодой женщине пришлось устроить скандал, чтобы её собственная семья перестала мириться с недопустимым. Что мы привыкли считать нормальным, потому что все подчиняются? И у кого за этим столом хватило бы мужества разорвать своё платье?

Нет дома — нет света

ВВЕДЕНИЕ

Цель Хануки — возвестить чудо. Можно подумать, что зажигать должны все и везде. Однако закон освобождает того, у кого нет дома, и освобождает путника: за него зажигают у него дома, в его отсутствие.

ВОПРОС

Если заповедь — распространять чудо, зачем привязывать её к дому — и почему тот, у кого его нет, от неё освобождён?

ОТВЕТ

«Нер иш у-вейто»; и стих главы Эмор о чистом оливковом масле для светильника, стоящий сразу после законов Суккота.

Особенность Суккота — вновь обретенная близость с Б-гом, Которому мы вверяем свою судьбу под облаками славы. Свет Хануки исходит из того же движения: праздник Суккот длится восемь дней, и Ханука тоже; в Суккот мы каждый день читаем полный Халель, и в Хануку тоже. А в главе Эмор, сразу после законов Суккота, идёт предписание о чистом масле, чтобы светильники горели постоянно, и Аарон следит за ними с вечера до утра.

Вся цель Святого Храма — засвидетельствовать, что Всевышний пребывает в сердце каждого, в сокровенной жизни каждого. Именно поэтому тот, у кого нет дома, кто не живёт этой близостью, кто открыт всем ветрам, освобождён от зажигания. Чтобы светить, нужно сначала глубоко прожить эту близость.

Свет ставят на пороге, напротив мезузы: за пределами замкнутой на себе жизни мы хотим разделить с миром наш свет — но постепенно, без дерзости, без высокомерия, не стремясь колонизировать умы.

ВЫВОД РАВА

Осветить внешнее можно, лишь когда прочно внутреннее.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Прежде чем освещать мир, закон требует иметь дом. Держится ли наш? Что нужно было бы исправить между нами — молчание, закрытую дверь, — прежде чем претендовать на то, чтобы что-то дать внешнему миру?

Почему «нер Ханука», а не «нер шель Ханука»

ВВЕДЕНИЕ

В момент благословения Рокеах выносит решение о крошечном нюансе: говорят «леадлик нер Ханука», а не «нер шель Ханука». На две буквы меньше. Причина — в слове, которое эти две буквы дали бы упустить.

ВОПРОС

Какое слово слышно в «нер Ханука» и исчезает, стоит вставить «шель», — и почему греческая мысль угрожает именно ему?

ОТВЕТ

Рокеах: говорить «леадлик нер Ханука», а не «нер шель Ханука».

Нужно говорить просто «нер Ханука», чтобы сохранить понятие нахаль. Нахаль — это река: она несёт воды из определённой точки в дальние края. Это живая вода, чистая вода; это не стоячая вода, не застывшая вода.

Греческая же мысль ставит мысли пределы. И эти пределы — это тума, нечистота: стоит где-то поставить затычку, вы остановили поток, и эта вода накапливает нечистоты, она уже не годится для миквы. Она должна быть в постоянном движении.

Нечистота — это когда материя не производит своей энергии, не раскрывает своего потенциала, не достигает своих целей. Именно это и означает «они осквернили все масла»: все эти огни, которые могли выйти из непрозрачной материи и помочь осветить мир, остались в сыром виде.

ВЫВОД РАВА

Нечистым делает не грязь, а остановка.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Вода, которая перестала течь, портится, хотя никто её не пачкал. Где в нашей семейной жизни мы поставили затычку — вопрос, который больше не задают, тему, которую обходят? Что у нас перестало течь в этом году?

Четыре способа давать, и лишь один устойчив

ВВЕДЕНИЕ

Хануку не празднуют ни рассказом, как Песах, ни свитком, как Пурим. Почти ничего не меняется: мир идёт своим чередом. Остаются Халель и ходаа — хвала и благодарность. А благодарность проходит четыре возраста.

ВОПРОС

Какова четвёртая ступень обмена — не брать, не торговаться и не жертвовать собой — и почему именно её требует ходаа?

ОТВЕТ

Наши мудрецы: если бы все жертвы исчезли, не исчезла бы одна — корбан тогда; если бы исчезли все молитвы, осталась бы молитва ходаа.

В жизни есть четыре ступени обмена. Младенец берёт, только берёт, больше он ничего не умеет, а когда ему не дают, плачет, — и у некоторых людей всю жизнь лишь эта философия. Подростающий ребёнок способен давать, но при условии: ему грозят или его награждают, и обмен становится расчётом выгоды. Затем третья ступень, идеализм: подросток хочет изменить мир, он только даёт и даёт, готов давать, ничего не получая, — и это не держится.

Четвёртая ступень — быть мекабель, чтобы иметь возможность давать: получать, чтобы передавать. Так еврейский народ понимает свою духовную жизнь. Он получил Тору, но не станет ревниво, эгоистично хранить её для себя: он сможет ею делиться.

Тода происходит от жеста протянутой руки, от того, чтобы подать руку другому. Эта благодарность — борьба против «кохи ве-оцем яди», «моя сила всё это сделала». Жизнь того, кто на это ссылается, — ад: приходит момент, когда силы слабеют, когда понимаешь, что зависишь от другого. И тогда приходит слово: тода.

ВЫВОД РАВА

Сказать спасибо — не унизиться: это признать, что тебе дано, чем давать.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

За этим столом есть те, кто даёт, так и не научившись принимать, и те, кто принимает, никогда не возвращая. Пусть каждый честно определит себя на одной из четырёх ступеней — и скажет, что ему нужно, чтобы перейти на следующую.

Свет, которого мир не вынес

ВВЕДЕНИЕ

Первым был сотворён свет. Мир его не вынес, и он был изъят, сокрыт. И всё же мы зажигаем на закате, в том сиянии, которое уже не день, но ещё не ночь.

ВОПРОС

Почему мир не вынес изначального света — и где он был сокрыт?

ОТВЕТ

«Гназа ла-цадиким ле-атид лаво» — Он сокрыл его для праведников, на будущее.

Мир его не вынес, потому что ещё не было цадиким, не было праведников, в которых он мог бы храниться, быть отложенным. Поэтому Он сохранил его для праведников, в сердце праведников. Это значит, что этот свет есть в каждом, в каждом праведнике: он здесь, нужно лишь оживить его и дать ему возможность светить.

Ханука — это нер иш у-вейто: свет, присущий каждому, выставленный перед всеми. Его не прячут, им хотят поделиться, и всё же он наш собственный, особенный. Это сущность, а сущность не убывает: елеем помазания помазывали утварь и помазывали царей, и он не убавился, остался прежним.

Когда мы зажигаем на пороге дома, мы словно говорим: вот изначальный свет, сотворённый за пределами тех миров, что нас преследовали, и мы несём его сквозь время. Не у каждого он одинаково ярок — но он есть у каждого.

ВЫВОД РАВА

Не у всех он одинаково ярок, но никто его не лишён.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Каждый здесь несёт свет, которого никто не может у него отнять и который никто другой не может зажечь вместо него. Пусть каждый за столом скажет, какой свет он видит в своём соседе, — и выслушает, что видят в нём.